

М. ВЕХОВА

ВАНИЯ И МЕДВЕДЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. ВЕЖОВА

**ВАНИЯ
“МЕДВЕДЬ”**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

“ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”

МОСКВА 1969

НЕ ХОЧУ БОЯТЬСЯ

Когда уходит на работу папа, Ваня ещё спит. Только одно ухо у него просыпается и слышит, как папа старается идти к двери на цыпочках, чтобы никого не разбудить. Дверь открывается тихо, не скрипит, а легко вздыхает и выпускает папу из сонной комнаты в коридор. Папа идёт в ванную, и сразу начинает весело шуметь вода из душа, как далёкий быстрый дождь.

Зато когда мама собирается на работу, Ваня усневает даже позавтракать.

В детском саду карантин. Вот почему Ваня остаётся дома.

Говорят — по городу ходит Грипп; он пришёл и в Ванин детский сад. Правда, Ваня его не видел. Но он думает, что Грипп — это такой унылый человек с красным носом. У него простуженный хриплый голос, он всё время чихает и кашляет. Ходит он, наверное, с большим градусником под мышкой, а сам весь завёрнут в простыню, потому что убежал из больницы.

Когда Грипп приходит в детский сад, все дети сразу начинают тоже чихать и кашлять и говорить простуженными голосами. Тогда воспитательницы запирают все окна и двери, чтобы не выпустить Грипп в город, а детей папы и мамы быстро уводят по домам. Это и есть карантин. Сидит в запертом пустом детском саду Грипп, завёрнутый в белую простыню, и с утра до вечера пьёт таблетки и меряет себе температуру. Когда он выздоровеет, карантин кончится.

А пока Ваня сидит дома и ему не разрешают даже высовыватьсь в форточку, не то что гулять!

— Не скучай, не высовывайся в форточку, играй и не забудь выпить молоко с булкой и вот эту таблетку, когда обе стрелки на часах будут вместе,— говорит мама и уходит на работу.

Ваня остаётся один. Он бродит по комнате, трогает скатерть на столе, трогает прохладные спинки стульев, забирается на широкий подоконник.

Я один в тишине.
Я сижу на окне.
Дверь закрытая молчит —
В дверь никто не стучит...

И никто не ходит за дверью. Только пол поскрипывает сам. Деревянные паркетины разговаривают друг с другом:

— Ох, уста-а-ла я!
— И я скр-р-ипеть ста-а-ла.
А все вещи в комнате молчат.

И молчит каждый стул,
Будто он сейчас уснул.
Я на стулья не сажусь,
Потому что я боюсь.
И всё кажется мне,
Кто-то бродит в тишине,
Кто-то бродит и молчит,
Коготками стучит...

Кто бы это мог быть? Вот если бы кто-нибудь появился! Можно было бы с ним играть! Но никого нет.

Шкаф тихонечко кряхтит —
На кого-то он сердит...

Ваня слез с подоконника и подкрался к шкафу. Приложил ухо к блестящей стенке и перестал дышать. Да! Там кто-то есть! Кто-то шумно и сонно дышит.

«Медведь! — подумал Ваня.— Это медведь живёт в шкафу, прячется, у него там берлога. Вот почему шкаф кряхтит — медведь тяжёлый. Он большой! Спит себе в шкафу, там всегда тёмная ночь».

В шкафу шумно зевнули:

— А-а-уфф!

Потом медведь завозился и сказал глухим басом длинное непонятное слово:

— Учушкищетинкачешуйкаущучки!

— Ой, а что такое ты сказал? — спросил Ваня.

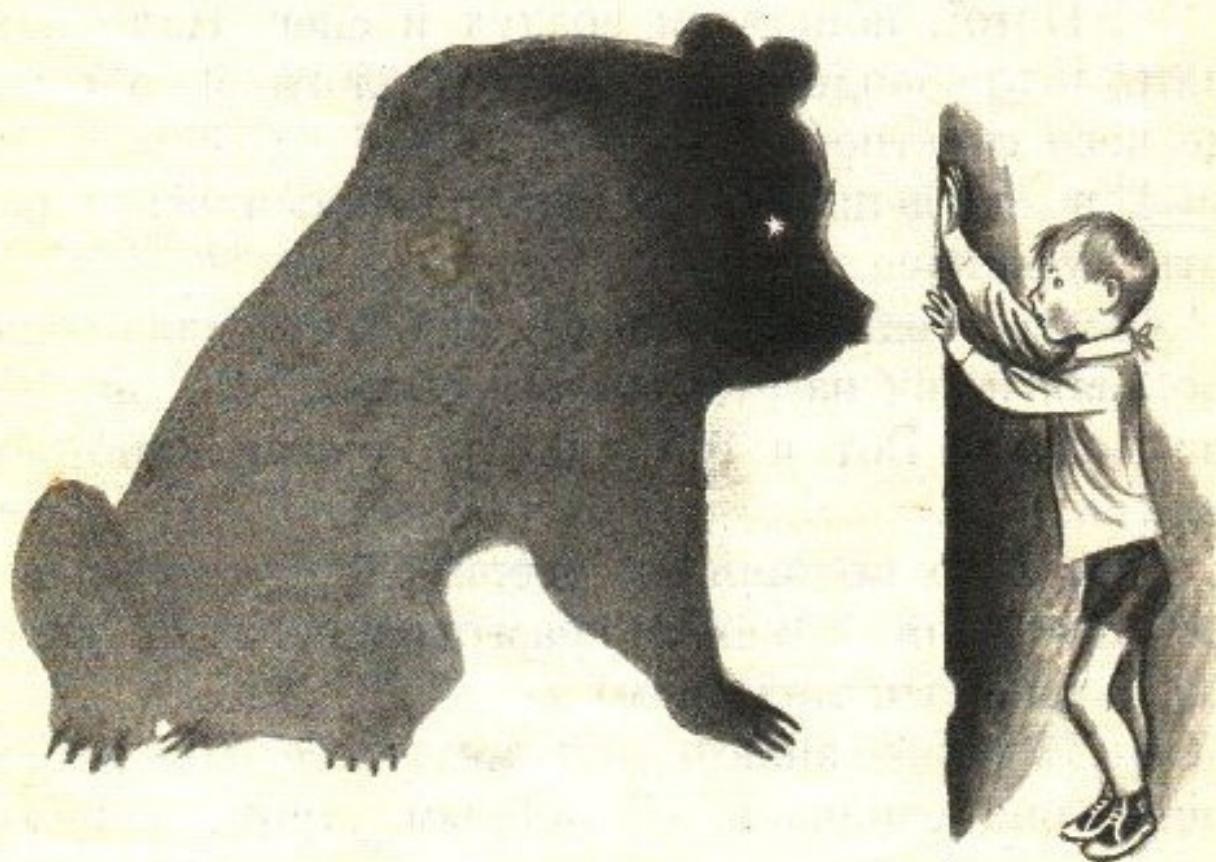
— Это на медвежьем языке такое волшебное слово.

— А зачем — волшебное слово?

— Чтобы играть!

— А во что играть?

- В медведей, конечно.
- А как мы будем играть? Что делают медведи?
- Когда?
- Ну-у, с самого начала...
- Самое начало начинается весной. Значит, я сплю в берлоге, сплю, сплю-у... Хр-рр...
- Смотри сейчас не спи! Ты спиши?
- Нет, что ты! Значит, я сплю, сплю, и вдруг — динь-динь-дилидинь! Как твой будильник, звенит под снегом ручей. Толкает меня в бок,

щекочет: вставай! Это весна его послала, чтоб он меня разбудил. Я вылезаю из берлоги; ох, ноют все мои косточки, отлежал! Долго, всю зиму спал! Давай сделаем зарядку. Становись. Раз ты медведь, тоже делай нашу зарядку.

— Встал,— сказал Ваня.

— Сначала хорошенъко встряхнёмся, сон на землю сбросим! Вот так.

— Встряхнулся,— сказал Ваня.

— Потом поваляемся-покатаемся в снегу с боку на бок.

— Поваляемся-покатаемся! — закричал Ваня и стал кувыркаться на диване.

— Потом понюхаем воздух и снег. Надо нам знать, кто бродил у нашей берлоги и нет ли где чего съестного...

А в тот день Ванина мама отпросилась с работы пораньше.

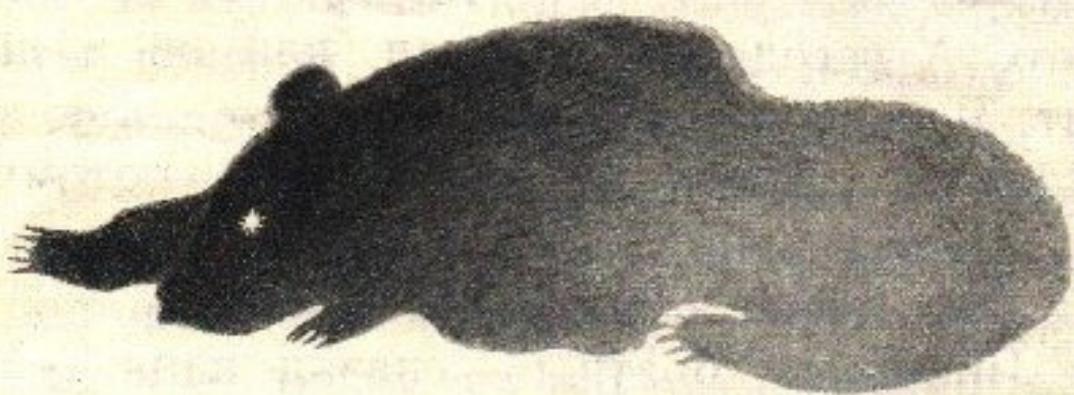
«Ваня, бедный, скучает один,— думала она, доставая ключ из сумки.— Интересно, что он сейчас делает? Вот я его удивлю, неожиданно появлюсь...»

Она тихо подошла к двери и вдруг услышала, что Ваня с кем-то разговаривает. А Ваня разговаривал с медведем.

— Я тоже знаю одно медвежье волшебное слово, оно означает: «С добрым утром, как вы

спали?» Оно вот какое — «Нашполканпопалвкан-кан!»

— Это вовсе не «с добрым утром»! — сказал медведь.— Это плохое слово про капкан! «С добрым утром» будет так: «Жилиубабусидавесёлых-гуся!»

Тут Ваня оглянулся и увидел маму. Он сильно вздрогнул и покраснел.

— Ты с кем это разговариваешь? — удивилась мама.

— С медведем,— виновато сказал Ваня.

— А-а где он? — спросила мама, оглядываясь.

— В шкафу...

Мама внимательно посмотрела на Ваню и вдруг приложила палец к губам и прошептала:

— Тише, тише... А то он испугается!

И Ваня с мамой вышли на цыпочках в коридор.

— Мама, когда ты открываешь шкаф, он прячется, но я даже не знаю, как он ухитряется, потому что он такой большой!

— А как ты про него узнал?

— Один раз ты открыла шкаф, я заглянул и увидел лохматую спину и лапу! Он прятался в углу, за платьями. Но тогда я не догадался, кто это. А сегодня я слышал, как он в шкафу дышит. Я сначала испугался.

Мама не успела ничего сказать, потому что вдруг пришёл пapa.

Он был очень весёлый.

— Внимание, братцы, — сказал пapa. — У нас большие новости. Я на два месяца еду в совхоз убирать хлеба.

— А как это — убирать хлеба? — спросил Ваня.

— Зерно буду возить на машине. В поле комбайн намолотит зерно, я подъеду, наберу полный кузов и — на элеватор. С нашей работы целяя бригада едет.

ЧТО МЕДВЕДЮ СНИТСЯ

Раньше Ваня знал: вот сейчас, когда горячая полоска солнца с пола перейдёт на белый подоконник, можно посмотреть в окно и обязательно увидишь — по двору к подъезду большими ша-

гами идёт папа. Потом хлопнет внизу дверь. Потом тяжело загудит лифт. Потом громко повернётся ключ в замке...

А сейчас Ваня даже не подходит к окну вечером. Всё равно папа не придёт. Он далеко.

От папы приходят письма. Это хорошо, но всё-таки лучше было, когда папа сам приходил с работы вечером. Он входил в комнату большой, с громким голосом, руки у него были твёрдые и быстрые. Все вещи в комнате оживали, двигались и поскрипывали. Ваня любил, когда папа поднимал его к потолку. Можно было посмотреть, что лежит на шкафу. Можно потрогать люстру.

А что теперь — только письма...

Ваня берёт конверты, сложенные на столе, вынимает большие, крупно исписанные листы и идёт к шкафу.

Медведь в шкафу ровно дышит, спит.

Как медведю снится?
Что медведю снится?
Если лапу он сосёт,
Значит, снится жёлтый мёд,
Или солнышко в реке,
Или рыба на песке...

— Слышишь? — говорит Ваня. — Скоро я тоже буду ходить на речку! Папа скоро приедет

за нами и увезёт нас в совхоз до осени. Мы будем жить у хороших людей, они приехали из Сибири. У них бабушку зовут баба Шура. Она умеет печь шанежки. Это такие пироги, как ватрушки, только не с творогом, а с картошкой. Папа привезёт шанежки, когда приедет. А у бабы Шуры есть внучка Альбинка. Она меня научит плавать.

— А я давно умею плавать, — сказал медведь. — Когда ещё был маленький, меня мама учila. Ка-ак бросит в воду — бам! Только брызги летят! Я к берегу подплыву, она опять толкает в воду. И ещё я умею лазить на деревья. Там пчёлы живут. Залезешь в дупло за мёдом... Пчёлы жужжат, злятся: «Слез-ззай! Слез-ззай! Слез-ззай!»

— Я могу влезть на дерево, если там ветки, — сказал Ваня. — У некоторых деревьев веток внизу нет, не за что уцепиться.

— Я на любое дерево взберусь! — похвастался медведь. — Мне даже снится, как я залезаю на самые большие деревья. И как самые большие речки переплываю. И такую малину в лесу нахожу! И ты приходишь ко мне в гости. И мы кувыркаемся с тобой и боремся...

ПУТЕШЕСТВИЕ НА НЕОБИТАЕМЫЙ БЕРЕГ

Сегодня воскресенье!

Мама сказала:

— Осень на носу, а у нас начинается лето! Наконец-то тепло. И карантин для тебя кончился. Давай-ка путешествовать!

— А как?

— Выдем из дома, сядем в автобус и при-

едем к реке. Там есть лодочная станция. Возьмём лодку, покатаемся, потом где-нибудь причалим...

— Здорово! — сказал Ваня. — Давненько я не путешествовал. А как же медведь? Возьмём его с собой?

— Не стоит, он очень тяжёлый: лодка сразу утонет, как только он лапу в неё поставит... Знаешь, он у тебя засиделся в шкафу, зато, когда мы уедем, он вылезет. А я поставил возле шкафа вот эту банку с вареньем. Эта банка широкая, можно и медведю просунуть лапу. Пусть ест варенье.

— Мама, ты просто молодчина! — обрадовался Ваня. — Он любит варенье!

Хорошо ехать в путешествие! Хорошо нести самому большой свёрток с помидорами и бутербродами! Хорошо сидеть в автобусе у окна и видеть всё, что вокруг.

Вон девочка несёт большой жёлтый шар. Он рвётся вверх, рвёт нитку из её пальцев, будто ветер похлопывает его ладонью.

А вон едет взрослый парень на велосипеде. Он догоняет свою тень на сером асфальте.

Ване понравилась лодочная станция.

Оказывается, лодочная пристань — это обычный деревянный пол над водой. Вода под

этим полом такая чёрная, что там, наверное, и рыбы живут чёрные, и чёрные камни лежат на дне. А лодки стоят у пристани веером, как рыбки в аквариуме: когда постучишь в стекло и они все сплынутся в одно место и ждут, что их покормят. Лодки так ждали пассажиров.

Лодочник, молодой, загорелый, в закатанных штанах, проворно отвязал лодку, помог маме шагнуть через качающийся борт и ловко посадил Ваню на скамейку. У Вани закружилась голова и замерло сердце. Какие тонкие у лодки борта! Как сильно лодка качается! Сейчас её перевернут волны!

Но мама ничего не боялась. Она осторожно двигала вёслами, улыбалась, и волосы у неё свелись от солнца.

Ваня побоялся и перестал. И даже опустил руку в воду, и вода потекла по пальцам, стала толкать в ладонь, и за Ваниной рукой побежали узкие волны, как за маленькой лодочкой.

Мама шлёпнула веслом по воде и обрызгала Ваню. Брызги были тяжёлые, холодные.

— Ещё! Ещё! — закричал Ваня.

— Смотри,— сказала мама.— Во-он там какой хороший берег! Жёлтый песок у воды, а дальше высокая трава и белая коза пасётся в траве. Если не боишься, можешь с ней познакомиться.

— Кто боится? — обиделся Ваня. — Когда я боялся?

Мама засмеялась и ткнула лодку носом прямо в берег. Шагнула из лодки в сверкающую воду, вытащила лодку на песок. И Ваня прыгнул на песок.

Ваня снял рубашку и пошёл по тёплому песку к воде. Он храбро вошёл в воду, хотя она была не очень тёплая. Вот вода ему уже по пояс... Ваня стал смотреть на дно, как сквозь толстое стекло. Песок кончился почти у самого берега. Дальше блестели колючие скользкие камешки. Ещё дальше качался дремучий лес из водорослей. Рыбки, как серебряные самолётики, сверкнули над камнями и ушли в тёмный водорослевый лес.

Потом Ваня вышел на берег и долго лежал в песке. Там, где песок облизала вода, он был гладкий и прохладный. А подальше от воды — горячий. Из него ничего нельзя было построить, потому что он рассыпался. Зато в него хорошо было закапываться, как в нору. Обратно раскапываться не надо. Повернулся на бок — и готово. Весь песок с тебя ссыпается сам.

Потом Ваня бродил в густой и высокой траве, как великан в лесу, великан выше всех деревьев. Незаметно дошёл до козы. У неё глаза

были сердитые, и знакомиться с Ваней она не захотела. Наставила острые рога — не рога, а две сабли. Ваня спрятался в траве. Коза сразу опустила голову и стала щипать траву как ни в чём не бывало.

— Ва-аня-я! — услышал Ваня мамин голос.— Иди завтракать!

Он тихо вышел из травы.

На большом камне лежала очень белая салфетка. А на салфетке — чёрный хлеб и круглые блестящие помидоры. Ваня взял помидор, холодный такой, будто новенький, и полизал.

Хорошо было сидеть на траве и есть эти большие помидоры.

Шелестела трава, река плескалась, и не хотелось никуда отсюда уезжать.

Мама посмотрела на часы и сказала:

— Пора домой. Поедим и поедем.

— Не хочу домой,— сказал Ваня.

— Но ведь уже поздно!

— Ну и пусть!

— Тогда я одна поеду! — рассердилась мама.

— И уезжай! — сказал Ваня.

— Я серьёзно говорю: одна уеду! — сказала мама.— А вот что ты здесь будешь делать? А?

— Не пропаду! — сказал Ваня.— Построю шалаш. Коза даст мне молока, буду рыбу ловить...

— А мы с папой?— спросила мама.

— Вы будете приезжать в гости.

— А как же медведь?

— Не пропадёт,— сказал Ваня.

— Ну не упрямься,— попросила мама.— Ты же знаешь, твоему медведю без тебя будет плохо.

— Ничего не будет плохо. И вообще нет никакого медведя. Я его сочинил.

Мама покачала головой и сказала:

— Я и не знала, что мой сын так легко может забыть своего друга из-за того, что ему что-то больше понравилось...

И она раскачала лодку и столкнула её с берега. На песке остался пустой, глубокий след.

Мама, не глядя на Ваню, вынула вёсла из лодки и стала их прилаживать.

Ваня посмотрел на след от лодки и сказал:

— Ладно. Еду с тобой. Мне что-то жалко стало медведя.

Мама сидела уже невесёлая, обыкновенная, немного усталая, и не плескала веслом, и волосы её погасли, потому что солнце теперь спустилось на её загорелые, сильные руки и белое платье.

Плохо, когда люди ссорятся. Так печально закончилось это весёлое путешествие...

СЛЕДЫ НА ПАРКЕТЕ

Только они открыли дверь в комнату, Ваня громким шёпотом — так, что мама вздрогнула, — сказал:

— Следы!

— Где? — прошептала мама.

Ваня нагнулся над полом и начал вглядываться в каждую половицу:

— Неужели ты не видишь? Такие огромные медвежьи следы! Следы ведут к окну, — наконец сообщил он.

— Интересно, что он делал у окна? — спросила мама.

— Вдруг убежал! — испугался Ваня. Он кинулся к шкафу и стал слушать.— Здесь! Дышит! А всё-таки зачем он подходил к окну?

Мама подошла к окну и посмотрела на улицу. Постояла и говорит:

— А я знаю, почему он подходил к окну! Рассказать?

— Расскажи!

Мама сказала:

— Он соскучился здесь, в тёмном шкафу, и стал смотреть, как бегут по улице машины. Он подумал, что машины — это городские звери. У машин морды бывают и печальные и весёлые, и добрые и злые. Машины чихают, рычат и фыркают, и умеют бегать даже вперегонки, и подкрадываться, и сердиться.

Медведю стало одиноко в большом каменном доме. Представляешь, как ему захотелось в лес!

Лес, лес...
Кто в нём есть?
Кто живёт под листом?
Кто живёт под кустом?
Лес не отвечает,
Головой качает.
Кто в чаще молчит?
Кто щебечет?
Кто рычит?
Кто в земле роет ход?
Кто на ветках гнёзда вьёт?
Лес не отвечает,
Головой качает.
Он секреты хранит
И поэтому — молчит.

— Хорошо в лесу,— сказал Ваня.— Я хочу в лес...

— А медведь знаешь как хочет! — сказала ма-

ма.— Только, наверное, он подумал вот о чём. Если взять и убежать в лес, Ваня огорчится. И как от него уйти? Я его полюбил. Он обо мне заботится, ставит варенье около шкафа и разговаривает со мной, чтоб я не скучал.

— Я ему дам ещё больше варенья, только пусть не уходит! — пообещал Ваня.

— Эх, ты, разве в этом дело? — сказала мама.— Сравнил тоже! То варенье, а то лес!

ОХОТА НА ОЛЕНЕЙ

По утрам очень грустно провожать маму на работу. Грустно оставаться одному.

— Ну-ну, ты мужчина! А мужчины не хнычат. Они сильные и всегда умеют найти себе дело... — говорит мама, когда Ваня жалуется, что ему скучно.

Сегодня по радио рассказывали о тундре. Там даже деревьев нет, а есть только мох ягель, северное сияние и бесконечные просторы.

В тундре не слышно голосов певчих птиц, там нет рыжих белок и полосатых бурундуков. Зато там бродят по снегу стада рогатых оленей, бесшумно пролетает на мягких крыльях белая, незаметная на снегу, сова и прячутся за сугробами белые, как эти сугробы, полярные медведи.

Когда передача кончилась, Ваня стал играть в тундру.

Большая белая подушка взлетела над диваном бесшумно, как белая полярная сова. Сова посмотрела вокруг зоркими глазами и хотела полететь над снегами, но лететь было некуда, и сова шлётнулась на диван.

«Надо сделать сове белую тундру», — подумал Ваня. Он вынул из тумбочки простыню и расстелил её на полу. Теперь сова полетела над необозримым снежным простором, высматривая добычу. Но добычи нигде не было, и сова приземлилась — пух! Маленькое облачко пуха взлетело и растаяло над тем местом, где она опустилась.

Ваня перевернул стулья ножками вверх. Это было стадо рогатых оленей.

Олени шли через всю тундру к морю. Иногда они останавливались и разрывали копытами снег — искали мох ягель.

«Хорошая добыча для медведя! — подумала сова.— Полечу, скажу ему, что тут есть добыча. Он меня за это наградит».

Ваня подошёл к шкафу и сказал:

— Медведь, хочешь играть?

— Хочу,— ответил медведь.— А что я буду делать?

— Ты будешь белый полярный медведь. К тебе прилетит белая сова и позовёт охотиться на оленей. И ты будешь подкрадываться к стаду... А потом зарычишь и нападёшь!

— Ну нет,— сказал медведь.— Я не хочу ни на кого нападать. Раз я медведь, значит, обязательно, что ли, кровожадный? Я не буду так играть.

Ваня открыл шкаф, и сова подлетела тотчас же к шкафу и зашептала:

— О белый медведь! О великий, сильный, смелый медведь! Там, по белой тундре, идут стада рогатых оленей! Это богатая добыча! Пойдём, я укажу тебе путь...

— Я останусь здесь, сова,— сказал хмуро медведь.— Я и из этого сугроба увижу стадо рогатых оленей.

Сова ехидно хихикала. «Вот сейчас он вам покажет,— думала она про оленей.— Вы на меня внимания не обращаете, я летаю, летаю, летаю над вами, а вы меня не боитесь. Как будто я обыкновенная белая подушка. Но я так хитра! Но я так умна! Я позвала медведя, сейчас он ка-ак зарычит...»

Медведь заговорил медленно, так что олени его не испугались. Они только удивились и подняли головы. Медведь сказал:

— Не бойтесь меня, олени, я не буду на вас нападать. Но вы бойтесь этой белой совы, которая летает над вами, как большая мягкая подушка. Это хитрая сова, злая сова. Она хочет вас погубить.

Тогда самый большой олень вскинул рога и помчался прямо к хитрой белой сове.

Сова очень испугалась оленевых рогов и улетела.

— Я тебе отомщу,— прошептала она, когда пролетала над белым медведем. Но медведь только засмеялся.

В двери звякнул замок.

Медведь захлопнул дверцы шкафа.

Олени опустили рога и притворились перевёрнутыми стульями.

Сова упала на простыню, охнула и стала опять совсем как подушка.

Ваня испуганно смотрел на дверь.

Дверь открылась, и вошла мама. Мама замерла на пороге.

— Эх, ты,— сказала она.— Я и так устала, работала целый день, а ты вон что устроил.

— Это не я,— забормотал Ваня.— Это он, то есть это мы вместе... Это медведь.

Мама рассердилась:

— Ты всегда будешь всё сваливать на медведя? Зачем простыню по полу валяешь?

— Это не простыня, это тундра,— со слезами сказал Ваня.

— Да ты что, плакать собрался? Пожалуйста, не плачь, лучше расскажи мне, во что вы играли?

— Это олени,— показал Ваня на стулья.

И вдруг олени подняли свои рогатые головы и посмотрели на маму.

— О, да тут их целое стадо,— сказала мама.— А кто их пасёт?

— Никто, они сами...

— Знаешь что, давай играть по-другому,— предложила мама.— Давай убери тундру, и пусть олени пока побудут стульями. А мы сейчас пойдём в чум, ведь мы оленеводы. Мы поставим на огонь чайник, разогреем лепёшки и поедим. А потом запряжём собак в лёгкие нарты и поедем осматривать дальние стада...

— А собаки быстро бегают? — спросил Ваня и шмыгнул носом.

— Очень быстро,— сказала мама.

ШАНЕЖКИ ДЛЯ ВАНИШКИ

Уже давно был вечер. Уже давно мама должна была прийти, но её не было. Ваня обиделся. Слез с подоконника и перестал смотреть во двор. И когда в двери щёлкнул ключ и послышались быстрые мамины шаги, Ваня спрятался за шкаф. Пусть мама видит, что он её не ждёт, раз сама так долго не приходит.

И вдруг Ваня услышал ещё чьи-то шаги, знакомые тяжёлые шаги! Ваня выглянул в переднюю. И увидел папу!

За папой шла румяная, будто долго бежала, мама.

Папа был такой большой, что мама, как и Ваня, смотрела на него, высоко подняв голову. А папа, наоборот, наклонял голову, чтобы лучше их видеть.

— Ур-ра! — закричал Ваня и бросился к папе.

— Ура-а-а! — закричал папа и подхватил Ваню на руки.— Да ты, брат, вроде потяжелел,— сказал папа.

— Я расту! — сообщил Ваня.— Потрогай, какие мускулы!

— А я за вами,— сказал папа.— Вот у мамы начнётся отпуск, мы и поедем все вместе в деревню. А то мне без вас плохо.

Папа внёс Ваню в комнату и поставил на стул.

Папа был такой большой со своим рюкзачищем, что шкаф немного отодвинулся к стене, стол посторонился, а стулья спрятались под скатерть.

— Здорово, берлога! — сказал папа и оглядел комнату.

— Пап, а чего у тебя в рюкзаке? — спросил Ваня и потрогал тугой бок рюкзака.

— Погоди, умоюсь, поем... Я голодный как волк! Потом буду всё рассказывать. И рюкзак мы распорошим.

Папа умывался, а Ваня держал скользкое мыло и твёрдое белое полотенце.

— Уфф! Хор-рошо-о-о! — радовался папа холодной воде.

Мама поджарила яичницу с колбасой, и они все вместе сели за стол. От папы пахло мылом, свежей водой и чистой рубашкой.

А рюкзак лежал на полу такой надутый, широкий и помалкивал себе. Он много чего видел, много знал и умел хранить секреты.

Наконец папа сказал:

— Чай попьём позже. А сейчас — смотрите фокус-покус.

Он, как Власов, легко поднял одной рукой этот огромный рюкзачище. Застёжки звякнули.

Белое полотенце, которое лежало на самом верху, встрепенулось, и из-под него прямо на пол поскакали тяжёлые яблоки: бамммм! баммм! баммм!

— Ловите, ловите! — Мама широко расставила руки, но не поймала яблоки.

Ваня крикнул:

— Вот это да! — и кинулся за яблоками.

Он мог взять в руку только одно яблоко, такие они были здоровенные. И сквозь их кожицу пальцы чувствовали, какие яблоки внутри холодные и крепкие.

А когда яблоки улеглись на столе широкой красно-зелёной пирамидой, папа вытащил из рюкзака круглую жестянную коробку из-под киноплёнки. И там оказались в промасленной жёлтой бумаге две круглые лепёшки, большие, как тарелки.

— Ватрушки? — спросила мама.

— Шанежки! — догадался Ваня. — Папа ещё в письме обещал привезти шанежки!

— Это баба Шура, сибирячка, прислала, — объяснил папа.

ЧТО ТАКОЕ „СИДЕТЬ В ГАЛОПЕ“?

Вечером пришли гости. Они сидели с напой за столом, размахивали руками, громко говорили, пели песни, смеялись всё время.

«Что они смеются?» — подумал Ваня и стал слушать, о чём говорят за столом.

— Ты подумай! — хлопал папу по спине самый весёлый гость, его друг дядя Костя. — Ты только представь! Этот чудак Спиридов опять сел в галошу!

— Да ну! — удивлялся папа и тоже гулко хлопал по спине дядю Костю. — А разве Спиридов когда-нибудь вылезал из галоши? — И все за столом просто покатывались со смеху.

Ване это было совсем не смешно. Он представил, как какой-то несчастный человек Спиридов, охая и морщась, пытается влезть в галошу, как в ванну.

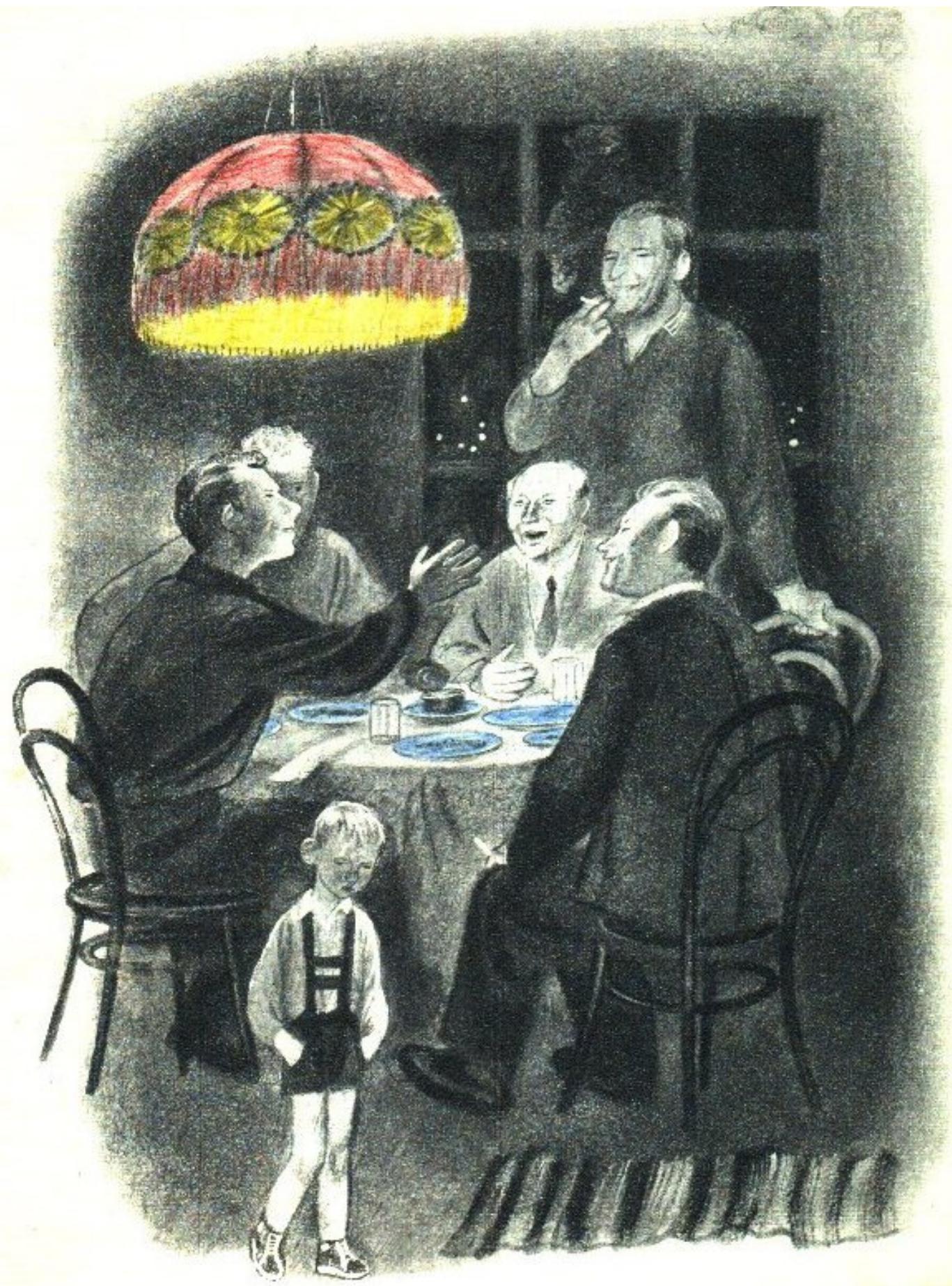
Ваня подошёл к дяде Косте, робко подёргал его за рукав и спросил шёпотом:

— А как же он помещается в галоше?

— Чего? Чего ты, Ванюшка, спрашиваешь? Не мешай, видишь, мы разговариваем! Потом с тобой поговорим, до тебя очередь ещё не дошла. Иди к маме... Иди, иди... — И он отвернулся от Вани.

Пошёл Ваня к маме на кухню. Мама резала сыр. Тонко резала, старалась. Она посмотрела на Ваню и сказала недовольно:

— Не мешай, сынок, видишь, я занята. Иди к гостям.

— Хочешь, я тебе помогу,— сказал Ваня.— Могу отнести что-нибудь или принести...

— В другой раз поможешь,— сказала мама.— А сейчас — иди, иди.

Ваня вернулся в комнату.

Папа смеялся, что-то рассказывал и был как чужой.

Ваня залез за шкаф. Там, между шкафом и стенкой, стоял его детский стульчик. Ваня уже вырос из него. Едва втиснулся между тонких тесных ручек и прислонился к шкафу.

Шумят в комнате весёлые гости, а за шкафом темно. Здесь Ваня один. Он думает. И никто ему не мешает думать.

Почему так плохо бывает? Вроде все тебя любят, а никому ты не нужен, никому не интересно с тобой разговаривать... И почему-то ты всем мешаешь. А ведь ты не виноват ни в чём и ничего плохого не сделал. Долго сидел Ваня за шкафом и заснул.

И приснился ему сон. Как будто мама с папой пошли провожать гостей. Захлопнулась за ними дверь в коридоре, и громкие голоса их забились о стены на лестничной площадке у лифта. И тогда в тихой и пустой комнате вдруг скрипнула дверца шкафа, и, тяжело переваливаясь, вылез из-за платьев лохматый коричневый мед-

ведь. Был он очень похож на папину командировочную шубу, которую летом густо посыпают нафталином и кладут в большом бумажном пакете на самое дно шкафа. И ещё был похож медведь на того медведя в зоопарке, что выprobил однажды у Вани целую булку с кремом.

Медведь шумно встряхнулся, и с его лохматой спины полетел во все стороны пахучим дождём нафталин.

— Привет,— сказал медведь.

— Привет,— сказал Ваня и пожал протянутую ему лапу.

Ваня обрадовался, что наконец-то медведь вылез из шкафа и теперь с ним можно дружить по-настоящему, можно даже гулять пойти во двор, а когда в детском саду кончится карантин, Ваня возьмёт и приведёт медведя в грушу. Вот все удивятся!

Медведь огляделся по сторонам и спросил Ваню:

— Никто тебе так и не объяснил, как Спиридов помещается в галоше?

— Никто,— сказал Ваня.

— Но ведь это очень плохо, когда непонятно,— грустно покачал головой медведь.— А я очень хочу узнать, как он помещается в галоше!

— И я хочу,— сказал Ваня.

— Давай убежим,— предложил медведь.— Да-
вай найдём самого Спиридонова и посмотрим, что
у него за галоша...

— Убежим,— сказал Ваня.— Я не хочу оста-
ваться дома, раз мама и папа больше любят го-
стей, чем меня.

И они убежали.

Они долго шли по какой-то длинной дороге.
Лес синел так далеко впереди! И никак не при-
ближался. И никого не было на этой пустынной
дороге, только Ваня и медведь.

Они всё шли и шли и вдруг услышали, что их кто-то догоняет.

Они оглянулись.

За ними бежали, взявшись за руки, Ванины мама и папа. Папа вёз за собой на верёвочке большую новую галошу. В галоше, съёжившись, сидел Спиридовон. Когда Спиридовон подъехал поближе, Ваня увидел, что это усатый, хмурый дядька.

— Вот,— сказал папа, тяжело дыша.— При-
вёз тебе Спиридона. Смотри сам, как он поме-

щается в галоше. А теперь перестань сердиться на нас с мамой и возвращайся домой.

— У тебя же горло болит, — добавила мама, — тебе давно пора принимать лекарство и пить молоко. Большие стрелки на часах показывают двенадцать.

— Эх, Ваня, Ваня...

Кто-то всё повторял тихо, но настойчиво: Ваня, Ва-аня!

И Ваня проснулся.

Гостей не было, в открытое окно смотрела круглая луна, было немножко холодно и громко ехала где-то на улице машина.

В комнате темно, потому что настольная лампа закуталась в мамин платок. Мама тихо ходила за стеной на кухне.

— Ва-аня! Ва-аня! — шёпотом звал пapa, стоя у шкафа.

Ваня зашевелился, зашуршал, споткнулся и вылез.

Папа взял его на руки, понёс на диван. Был он какой-то виноватый и ласковый. Стал сам щекотно раздевать Ваню, как маленького, и приговаривать:

— Лапы у парня сонные, пос сонный, глаза сонные! Давай проснись на минутку, я тебя раздену, потом снова будешь спать, до самого утра.

— А я уже совсем проснулся! — сказал Ваня и широко открыл глаза.

— Всё равно снова придётся засыпать, — сказал пapa.

— Папа, а ты мне скажи всё-таки, как он помещается?

— Кто? Где помещается? — удивился пapa.

— Да в галоше же! Спиридов!

— Спиридов? — переспросил пapa и вдруг громко захохотал. — Ну, ты меня уморил! Это же надо! Как он в галоше помещается! Хо-хο-хο! — Пapa никак не мог остановиться.

— Не хочешь говорить, не надо, — обиделся Ваня.

— Да ты пойми, брат, он и не залезал ни в какую галошу!

— Ты же сам говорил! — сквозь слёзы вскричал Ваня.

— Ха-ха! Нет, ты меня всё-таки уморишь! — снова засмеялся пapa. — Вот я тебе сейчас объясню... Значит, есть у нас на автобазе такой шофёр, Спиридов. Он большой чудак и всегда попадает впросак.

— Куда попадает? — не понял Ваня.

— Ну, попадает впросак и садится в галошу — это такие выражения просто, они означают вроде осрамиться, сплоховать...

— А-а,— сказал Ваня.— Значит, в галошу никто не садится, значит, только выражение... А мы с медведем искали Спиридона, чтобы посмотреть...

— С каким медведем?— удивился пapa.

— Ты не помнишь? Не помнишь?— Ваня взглядался ему в лицо.— Ты сразу забыл? А мы с мамой писали тебе про медведя!

— Ах, да! — вспомнил пapa.— Действительно, писали. Но теперь придётся тебе с твоим медведем расстаться. Завтра мы уезжаем.

— Так скоро?— крикнул Ваня и сел.

— Так скоро,— сказал пapa.

— Придётся мне остаться,— сказал Ваня чуть не плача.

— Вот тебе и раз! — удивился пapa.

— А по-твоему, друзей сразу надо бросать, если в другом месте интереснее?

— Да-а, — сказал пapa. — Проблема... Мать! — крикнул он. — Помоги-ка нам разобраться!

— Друзей никогда нельзя бросать, — сказала мама. — Но ты, Ваня, подумай сам, где лучше будет твоему другу. В тёмном шкафу или в лесу, на воле? Надо так делать, чтобы другу было хорошо. Отпусти медведя!

Мама помолчала и сказала совсем тихо и печально:

— А ты вернёшься сюда совсем другим. Ты вырастешь. А когда мальчик становится большим, ему уже не нужен медведь, который живёт в шкафу... У него появляются другие друзья.

— Всё равно я его никогда не забуду, — сказал Ваня. — Он мне всегда будет нужен. Только правда ему в лесу будет лучше.

ПРОЩАНИЕ

Сначала Ваня помог маме подмети пол. Он ходил по комнате и горстью из большой кружки разбрасывал по полу воду. Струйки бежали по пальцам, потом они разлетались, как большие продолговатые зёрна.

Мама подмела пол мохнатым веником из берёзовых веток, сразу запахло лесом.

Ване хотелось плакать и хотелось прыгать и куда-то бежать.

Плакать потому, что жаль прощаться с медведем, жаль уезжать из дома. Здесь все веци

знают его и любят. Кресло весело тренъкает, когда Ваня забирается в него. А стол скрипит, ворчит, если к нему долго не подходят.

И медведь уйдёт навсегда и больше не будет громко дышать и ворочаться в шкафу, когда в доме так тихо, что звенит в ушах.

У стены стоят большие чемоданы с толстыми животами.

И опять помалкивает туто набитый папин рюкзак. Только Ваня уже не трогает его, не смотрит на него с любопытством. Он знает, что лежит в рюкзаке. Сам туда положил шёлковый скользкий платок с большими цветами и синтетическую собаку, которая лает, если ей нажмёшь на живот,— подарки для бабы Шуры и Альбинки. И ещё другие вещи, которые понадобятся в дороге. Это интересные вещи, но пусть они тихо лежат и ждут, когда понадобятся...

Ване хочется прыгать, потому что он сейчас уедет, будет долго ехать на поезде, потом на машине и увидит степь без конца и без края.

Ваня подошёл к шкафу, погладил его блестящий бок.

— Медведь, давай попрощаемся,— попросил Ваня.

— Давай попрощаемся,— сказал медведь и вздохнул.

— Ты не забывай меня в своём лесу!

— Не забуду! И ты меня не забывай! Мы
ещё с тобой когда-нибудь увидимся...

— Скорее, скорее,— сказал пapa, входя в ком-
нату торопливыми шагами.— Машина ждёт внизу.

Ваня задержался на пороге, оглядел гулкую
пустую комнату и тихо сказал:

— До свидания!

И они захлопнули дверь и спустились вниз.

Они вышли из подъезда с тяжёлыми чемода-
нами. На улице асфальт был белый от солнца
и мягкий. Машина ждала их и тихо дышала.

Ваня поднял голову и посмотрел на своё ок-
но. И он увидел, как прижалась к сверкающему
стеклу лохматая грустная морда медведя.

— Пора ехать,— сказал пapa и открыл двер-
цу машины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Не хочу бояться	3
Что медведю снится	10
Путешествие на необитаемый берег .	13
Следы на паркете	21
Охота на оленей	24
Шанежки для Ванюшки	31
Что такое «сидеть в галоше»?	33
Прощание	43

Рисунки Н. Устинова

Литературный альбом

Для дошкольного возраста

Вехова Марианна Базильевна

ВАНИ И МЕДВЕДЬ

Ответственный редактор И. Ф. Скороходова

Художественный редактор Е. М. Гуркова

Технический редактор В. И. Ламакина

Корректоры Т. П. Лейзерович и Н. А. Сафонова

Сдано в набор 18-III 1969 г. Полисовано к печати

13-V 1969 г. Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 3.

5 лл. печ. л 3,5 л. (Уч.-над. л. 2,25). Тираж

300 000 экз. ТП 1969 № 37. Цена 12 коп.

на бум. № 1. Издательство „Детская литература“.

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика „Детская книга“ № 1 Росгипрополиграфпрома

Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.

Москва, Сущевский вал, 49.

Заказ № 3990.

Цена 12 коп.

